

Раз уж Лу Тинфэн сам завёл этот разговор, Чжао Либин решила не упускать момент. Ловко подыграв, она выставила себя в самом жалостливом свете:

— Тинфэн, я признаю: я действительно использовала тебя для раскрутки, для всех этих слухов. Но ты же сам это позволял! Конечно, я хочу сниматься в хорошем кино — проблема в том, что сейчас ко мне просто не приходят достойные сценарии.

— Ты изменилась, — голос его звучал устало, почти обречённо, и он даже не посмотрел на неё, уставившись в одну точку на стене. — Сильно изменилась. Ты уже не та Чжао Либин, которую я знал когда-то.

— Нет, Тинфэн, я не изменилась. Просто ты находишься на самой вершине, в своём высшем обществе, и не видишь того, что творится внизу. Ты не представляешь, какова цена выживания в этом аду. У меня есть свои причины, своя правда.

Лу Тинфэн устал — алкоголь тяжёлой волной давил на виски, голова раскалывалась от боли, и спорить с ней дальше не было ни сил, ни желания.

Чжао Либин, почувствовав его состояние, решила не давить. Она поняла: сегодня вечером он не в том настроении, чтобы продолжать этот разговор. Молча, стараясь не шуметь, она выскользнула за дверь.

Когда за ней закрылась дверь, в доме стало ещё тише — так тихо, что слышно было, как тикают настенные часы. Лу Тинфэн взял пульт, включил телевизор, прибавил звук — лишь бы заглушить эту гнетущую тишину, а потом откинулся на спинку дивана, закрыл глаза и попытался уснуть.

Время летело незаметно. Два месяца пролетели как один миг.

К этому сроку живот Хэ Яна дорос до шести месяцев — он уже отчётливо выделялся, округлый и тугой. Но на улице всё ещё стояли холода, и Хэ Ян кутался в толстую куртку, так что, если не присматриваться, беременность можно было и не заметить.

Он продолжал работать гидом в родном городке — доход был вполне приличный, позволял и на жизнь заработать, и отложить кое-что на будущее.

С приближением Нового года по лунному календарю Хэ Ян проводил последнего туриста и, наконец, позволил себе отдых. Ли Гуанбинь заехал за ним, и они вместе отправились в город за новогодними покупками. Кроме продуктов и необходимых мелочей, Хэ Ян зашёл в магазин одежды и купил обновки для всех ребятишек из приюта.

Хорошо, что Ли Гуанбинь был на машине — иначе все эти пакеты и коробки вряд ли удалось бы довезти до дома.

На обратном пути Хэ Ян протянул другу небольшой свёрток.

— Это тебе, — сказал он просто и улыбнулся — впервые за долгое время так открыто, по-дружески.

Ли Гуанбинь усмехнулся, но в глазах мелькнуло тепло:

— Ты серьёзно? Мы ж с тобой столько лет знакомы, какие могут быть подарки?

Но Хэ Ян настоял, и Ли Гуанбинь, махнув рукой, принял подарок, а развернув — присвистнул: часы. Не супер-люкс, конечно, но добротные, со вкусом.

— Гуанбинь, спасибо тебе за эти месяцы, за всё, что ты для меня сделал, — Хэ Ян говорил тихо, но искренне. — Я пока не могу позволить себе по-настоящему дорогой подарок, но это от души. Надеюсь, тебе понравится.

— Да брось ты, Хэ Ян, — Ли Гуанбинь махнул рукой, — мы же свои люди, какие счёты? Не надо было тратиться. Лучше бы эти деньги на себя потратил или на детей в приюте.

— Я им тоже купил.

— А себе? — Ли Гуанбинь вдруг стал серьёзным. — Хэ Ян, ты человек хороший, добрый, но нельзя думать только о других. О себе тоже думать надо! — он кивнул на живот, скрытый под курткой. — И о том, кто там, внутри. Себя беречь надо.

Ли Гуанбинь был крупным, рослым парнем, но при этом отличался удивительной чуткостью. Он прекрасно помнил тот день, когда Хэ Яну стало плохо — он чуть не упал в обморок прямо на обочине, и Ли Гуанбинь, перепугавшись, понёс его в больницу на руках. А после обследования выяснилось: Хэ Ян беременный.

Для Ли Гуанбиня в этом не было ничего шокирующего — он знал об особенности Хэ Яна, но никак не ожидал, что друг сможет забеременеть.

Хэ Ян попросил его держать это в тайне: в городке языки без костей, начнут плести невесть что, а потом это аукнется ребёнку. Он и сам планировал уехать весной куда-нибудь подальше, родить там, в тишине, а вернуться, когда малышу исполнится годик-другой.

Ли Гуанбинь не из тех, кто треплется по углам, но видеть, как Хэ Ян, будучи на сносях, таскается с туристами, мотается по другим городам, не даёт себе отдыха, лишь бы заработать побольше, — это было выше его сил.

Он не раз говорил Хэ Яну: здоровье — это база, это фундамент, а ты сейчас не один, ты за

двоих отвечаешь — не боишься, что организм не выдержит?

После этих разговоров Хэ Ян наконец прислушался, сократил количество поездок, стал больше отдыхать, беречь себя.

Вернувшись в городок, машина остановилась у ворот приюта. Ли Гуанбинь выгрузил из багажника гору пакетов и коробок — детишки, увидев это, с радостными криками высыпали на улицу и наперегонки бросились помогать.

Ли Гуанбинь, видя, что Хэ Ян и так потратился на подарки, от себя передал директрисе конверт с□□ю тысячами юаней — на новогодние красные конверты для ребятни, после чего сел в машину и уехал к себе.

Директриса хлопотала на кухне, готовя ужин. Хэ Ян зашёл помочь — подкинуть дров в печь, помешать в котле.

С приближением праздника директриса каждый день готовила особенно сытно, особенно вкусно — будто хотела накормить детей за целый год вперёд. Ребятишки обожали это время — они знали: в Новый год будет много вкусного, а значит, можно не стесняться и наесться до отвала.

После ужина настала очередь подарков.

Хэ Ян торжественно, словно Дед Мороз, начал раздавать обновки. В приюте, вместе с Чжоу Жуйси, сейчас жило двенадцать детей.

Самому старшему, Чжоу Жуйси, достались часы.

Следующим был пятнадцатилетний Лю Хайянь, которого директриса нашла много лет назад на рынке — крошечного, двух-трёх месяцев от роду, завёрнутого в тряпье, с запиской в одежде, где значились имя и дата рождения. Мальчик рос тихим, замкнутым, из тех, кто больше слушает, чем говорит; он рано понял, как тяжело приходится директрисе, и с детства помогал по дому чем мог.

Хэ Яна он любил особенной, благодарной любовью. Тот всегда находил для них время: учил читать, играл, помогал с уроками, приносил гостинцы.

Получив подарок, Лю Хайянь замер, прижимая его к груди, словно это было величайшее сокровище. А потом, смущаясь и краснея, протянул Хэ Яну свёрнутый в трубку лист — рисунок, который он нарисовал сам, втайне надеясь, что тому понравится. На рисунке была большая семья: директриса, все ребятишки, Хэ Ян и его будущая дочка — они сидели за одним столом в уютном доме, а рядом, свернувшись калачиком, дремали кошка с собакой.

С тех пор как в приюте узнали, что Хэ Ян ждёт ребёнка, малыши окружили его настоящей заботой: массировали ноги, приносили молоко, дарили свои самые любимые, бережённые для особого случая игрушки — для того, кто вот-вот появится на свет.

Хэ Ян, привычным движением положив руку на живот, улыбнулся и прошептал одними губами:

— Слышишь, малыш? — в голосе его была такая нежность, какой он сам от себя не ожидал. — Как тебя ждут. Сколько старших братьев и сестёр уже готовятся с тобой встретиться.

<http://bllate.org/book/16098/1572341>